

Рассказ

Эльдар Ахатов
наш представитель
в Красноярском крае
Про снег

А снег бывает разным. Очень разным. В морозную и сухую погоду посреди тундры он течет точно так же, как текут пески в пустыне. У тундры с пустыней много общего зимой. Снег - холодный и сухой от мороза - напоминает песчинки. Он так же, как песок, режет лицо, когда ветер дует навстречу. Он так же змеится и течет над поверхностью, буквально на глазах переменяя свежую дорожную колею, с лёгкостью растворяя в себе следы человеческие. А стоит появиться препятствию на пути текучего снега, как он образует возле них такие же сугробы, какие песчаные бугры возле преград благодаря бесчисленным летучим песчинкам в далекой жаркой пустыне.

И как струящиеся в пустыне пески невольно рождают в душе ассоциации с песочными часами и вызывают к жизни мысли о бренности всего сущего, так же и текущие по тундре снега пробуждают в нас схожие настроения.

Змеится, струится, свивается и развивается мелкий снег в поземке. Но стихает ветер. Появляется в небе морозное солнце. И снег начинает искриться и кувыркаться в воздухе. Искры снега порхают, играют в воздухе, словно мелкая летняя мошкара. В особо же тихую морозную погоду искорки снега плавают в солнечном воздухе, как в бокале шампанского. Иногда он просто сыплется с чистого неба: идёт слепой снег точно так же, как летом бывает слепой дождь!

А когда начинается пурга, то струи снега вздымаются, неистово кружась, образуя снежные водовороты и смерчи. Белесое холодное пламя метели затмевает всё вокруг. Языки этого снежного пламени, как живые, жадно тянутся к корпусам мчащихся в белесом мареве грузовых автомобилей. Наступает ночь, и в свете фар, словно в сияющих тоннелях среди окружающей темноты, яростно плещутся, кружатся, фонтанируют сверкающие брызги снега.

Если же мороз небольшой, но идет снег, а вокруг темнота, то кажется, что кто-то незримый едва прикасается к щекам, оставляя на них ощущение влажных губ, ощущение поцелуев. Снег становится рыхлым, пушистым, невесомым, нежным. В него проваливаешься, как в сон. Хлопья снега летят из небытия на свет ночных городских фонарей, летят отовсюду, странным нескончаемым белым листопадом. Он падает на наши куртки и шубы и тает, исчезая на глазах, словно и не было ничего.

Но чуть проснется мороз, и павший снег тут же становится плотным и скользким. Теперь из него не вылепить снежка. Он жёсткий, как оплавленное стекло. Под ногами он фактически становится льдом. Это мёртвый снег. С карнизов свешиваются застывшие прозрачные острые пики бывшего снега - сосульки. О такой снег можно и порезаться.

И снова дрожит, бьётся в конвульсиях пурга, разбрасывая над землёй снежные летучие сети. И тянет, и тянет их за собой, будто пытаешь выловить ветер, струющийся, бьющийся в тонких сетях позёмки.

Снег течет по земле всю зиму, словно время в песочных часах. И исчезает однажды, когда наступает весеннее тепло. И возникает снова - в призрачных глубинах осени. Возникает и снова течёт и течёт, как песок, отмеряя уходящее и возвращающееся, ускользящее от нас вечное время.

От редакции

Пришло время, когда наша газета «перевалила» за Урал, и у нас в Сибири появился свой представитель - Эльдар Ахатов. Эльдар говорит, что его судьба, работа, творчество и любовь так сильно переплетены с Сибирью, что он никем иным себя не представляет - только сибиряком. Это утверждение истинно, как говорится, где твоё сердце, с чем связаны твои помыслы, там и ты! С этого номера наше издание начинает знакомить читателей с творчеством сибирских писателей и поэтов и открывает страницу красноярцев сам Эльдар. Он и будет знакомить наших читателей с сибирскими авторами.

Иван Жуковский
Подкидыш

**Я был ночью обласкан котёнком.
Для него это шалость, игра.
Я же нежно его, как ребёнка,
Согревал на груди до утра.
С коготками игрушка живая,
С раздраженьем его голосок,
В бороде у меня застревая,
Он искал материнский сосок...**

Отчий дом

**Постоял у дверей и
не смог позвонить...
Поклонился родимому дому
И почувствовал, как
обрывается нить:
Словно чем-то тупым по живому...
Ни отец и ни мать
не услышат звонка:
Уж давно на горе, на погосте.
В этом доме меня принимают...пока,
но всё реже мне хочется в гости....**

Виктор Теплицкий

**Я вырван из контекста, что ж —
Кому-то, может быть, потеха,
А кто-то бросит в спину нож
Безудержного злого смеха.
Но я пройду через сердца
Неискушённых в звонком слове,
Оставшись верным до конца
Свириели, плачущей в миноре.
А небеса рассудят пусть
Кто был канавой, кто — тропею...
И всепрошающая грусть
Неслышно шествует со мною.**

Татьяна Долгополова

**Дождь прошёл - придёт другой.
День прошёл - придёт другой.
Век прошёл - придёт другой.
Человек прошёл - другого
Нет такого.**

* * *

**Не ходи на войну, не ходи!
Трусом стань! Подлецом! Дезертиром —
Всё равно. Только не наследи
В стенах этого страшного тира.
Не ходи, не ходи на войну,
Не вступай в этот мрак, в эту
скверну,
Даже если тебя не убьют,
Я не верю, что это безвредно.
Не ходи! Тебя каждый поймёт.
Не ходи, и никто не осудит.
Знаешь, если никто не пойдёт,
То войны этой просто не будет!**

* * *

**Да, может быть, всё не напрасно,
Да, может быть, всё не зазря...
Рябина становится красной,
Увидев лицо октября.
И я, оторваться не смея,
Смотрю на Россию мою —
Краснею, краснею, краснею,
А всё же люблю и люблю.**

Артур Матвеев

**Когда закатится последняя звезда
И блики на иконах отыграют,
Тогда заглянет ко мне в гости пустота
И приведет к такой границе рая,
Где заблуждения, надежды и мечты
Исчезнут и покроются туманом;
Растает ощущение красоты,
Затянутся полученные раны.
Я засмеюсь, счастливый и слепой,
Простившись со своей земной душой.
И буду у обрыва ждать прибой.
Но только не дождусь в раю прибоя.
Я буду проклинать свои грехи,
Оплакивать минувшие утраты,
Сожгу свои никчемные стихи,
Застынув в ожидании награды.
Столкнусь и я с немою тишиной,
Где буду жить в достатке и блаженстве.
Там будет совершенство и покой.
Но я-то не нуждаюсь в совершенстве...**

Kotiranta

МЕДИА
ЭКСПЕРТ

Анатолий Кобзев

**Приснились снова яблоки: к слезам.
И выпала мне дальняя дорога
К веселой речке, птичьим голосам
И запахам родимого порога.
Где ждут меня седые старики,
И мой приезд -
для них желанный праздник,
Где песни удивительно легки,
А над стогами ветер — верхолазник.
В кувшинках томно плещется закат,
И память тихо наполняет сердце.
Там осыпает яблоками сад,
Там жжет крапива,
как в далеком детстве...
Я вновь сорвусь
к родительским глазам,
Отбросив все сомненья и вопросы.
И пусть твердят,
что яблоки — к слезам.
Но ведь бывают радостные слезы!**

Отзыв

Светлана Тишкина
Украина, г. Луганск

“Провинциальному Интеллекту”

**Провинциален ли интеллигент,
Который покоряет континенты?
Столиц, провинций —
равен комплимент:
Большой и малый
в Пи — все конгруэнтны.**

**Понятен был бы русских слов узор,
В читателе будил добро и совесть,
Любовью грел,
не прятал смелый взор...
Интеллигентности
не чужда доблесть!**

**Провинциальный наш интеллигент,
От луганчан — поклон и уваженье
Прими за то, что твой эксперимент
Разбил границы мироотчуждения.**

Любовь Иванова

Тихий ужас

Высок, подтянут, худощав,
Взор мутный, устремлённый вдаль,
Глубокий воротник плаща,
Движенья – тихая печаль...

Он тихо бродит по дорогам
И шепчет, шепчет: «Тихий ужас...»
Его день, ночь грызёт тревога,
Он повторяет: «Тихий ужас!»

Вот вновь я слышу – он идёт.
Помочь! Ну чем ему помочь?
«Старик! Скажи, я помогу!
Остановись! Я всё смогу!»

Багровый шрам рассёк лицо,
Старик... «герой» или «спасатель»?
Отважным, видно, был бойцом!
И... громом шёпот: «Я – предатель!»

Мистер Пардон

Большой, надутый, мыльный
Пузырь любвеобильный
Склонился, засопел,
Угожливо пропел:
«Пардон, мадам, пардон, мамзель...»
Запас приветствий русских,
Немецких и французских
С поклоном источал,
Мурлыкал и ворчал.
Запас словес весь грохнул
И в тот же миг вдруг лопнул,
И... кроме пара – ничего
Уж не осталось от него!

Надежда Амосова

Карелочка

Походкой лёгкой, грациозной
Она идёт тропой лесной.
Стан гибкий нежно обнимает
Красивый поясок тугой.

Идёт и тихо напевает
Мотив весёлый и простой,
Ей птицы дружно подпевают,
Деревья шелестят листвою.

Глаза, как синие озёра,
С прохладной, тёмной глубиной.
Румянец на щеках сравнится
Лишь только с алою зарёй.

Улыбкой доброй и красивой
Зовёт и манит за собой,
И ручейком коса струится
С атласной лентой голубой.

Идёт она тропой знакомой
Земли карельской, ей родной,
Карелочка с душою чистой
И безграничной добротой.

В. Смирнова

Рябина

Средь тёмных елей
Багряный куст,
Он в шапке снежной.
Он гол, он пуст.
Пылают грозди
Сухим огнём
И ночью звёздной,
И ясным днём.
Горит рябина
Под плач пурги
Святой купины –
Краса тайги.
Как капли крови,
На белый снег
Она роняет
Свой алый цвет.

Галина Ершова

Неповторим, красив и молод...

Неповторим, красив и молод,
Ты сразу же запал мне в душу –
Сосновый и еловый город,
Который назван Костомукшей.
Тебя я полюбила очень
За солнце в полночь на домах,
За озеро, где в белы ночи
Алеет парус на волнах
За праздники, что проводились
На каменистом берегу,
Где в вальсе весело кружились;
За ели пышные в снегу.
За белоствольные берёзы,
Что гордо тут и там стоят,
Те, что в трескучие морозы
Одеты в свадебный наряд.
За переменную погоду,
За мелкий, ровный тёплый дождь,
За радугу по небосводу –
Под ним, как в сказке, ты живёшь.
За то, что в городе живёт
Моя любимая семья,
Прекрасный трудовой народ
И мои новые друзья.
Пусть добром всё обернётся,
Пусть в бездну канет нищета.
К тебе, мой город, пусть вернётся
Твоя былая красота.

Ольга Бурьгина

Научиться бы тихой радости...

Научиться бы тихой радости,
Чтобы сразу - не расплескать.
Напитаться бы ею полностью.
Чтобы силы свои восполнять.

Научиться бы тихой печали,
Водопадом чтоб слёз не лить,
И спокойно рассудительностью
Душу с сердцем бы залечить.

Обладать, чтобы тем и этим,
Надо мудрости кладёшь иметь.
Шаг за шагом её накапливать
И смирению песнь воспеть.

Но эмоции смерчем слетаются
И ликуют в радости мы,
Фейерверком её разбрасывая,
Остаёмся у пустоты.

А в печали - навзрыд рыдаем,
Окунаясь в омут беды,
И последние силы теряем -
Вновь стоим мы у пустоты.

От того так и сложно порою -
Что эмоций не обуздать.
А они истошают силы,
И не знаешь - как устоять.

Татьяна Дунаф

Дышу одиночеством

Дышу одиночеством, плачу и таю.
Призрачно-белая, словно снежинка,
Падаю с неба? Нет, я летаю,
В танце кружусь над твоею тропинкой.
Дышу одиночеством, звездные дали
Чуть холоднее теперь, чем обычно.
Пальцы замерзли, а губы устали
Вновь повторять то, что мне безразлично.
Дышу одиночеством, болью и ложью...
Темною улицей в сторону дома
Скрип каблучков... Тишиною и дрожью

Эта разлука мне стала знакома.
Дышу одиночеством,
вижу, как сладко
Спят зимним сном
под окошком качели.
Нам улыбнувшись,
всплакнувши украдкой,
Детство исчезло, и мы повзрослели.
Дышу одиночеством....
В сети онлайн
Плотно запутаны тысячи судеб.
Имя знакомое будто случайно
Видим и знаем, что хуже не будет.
Дышу одиночеством, сердце все тише
Бьется в груди и считает минуты,
Верит.... Немножко –

и ты мне напишешь,
Время придет и изменит маршруты!
Ну а пока что ты только картинка,
Так далеко... Но я все же мечтаю.
Призрачно-белая, словно снежинка,
Дышу одиночеством, плачу и таю...

Зоя Маляренко

Монолог
Настасьи Филипповны

Выбрала себе казнь. Выбрала палача.
Что мне моя душа? Дырка от калача.
Мир бы перевернуть с силощею такой
Бешеной красоты. Я же на упокой
Грешной души взяла тихого князя
взгляд.

Рассказ
Зелёный праздник

Полярная ночь.
Кто с ней никогда не встречался и не знаком лично, тому не понять, насколько это гнусная старушенция, в изрядно поношенном, тщательно отглаженном платье черного бархата с отложным белоснежным, атласным воротничком и такими же манжетами на рукавах.
Вся такая правильная из себя... До безобразия просто!
Если положено заступить на многомесячную вахту в ноябре, так именно в этом месяце и – ни днём позже. Ну, а чтобы с поста уйти ранее отмеренного, даже и не проси. Бесполезно!
Счастливая частная собственница солидной крокодильей фермы, каждая из зверюг которой ежеутренне так и жаждет проглотить наше всеобщее достояние - пусть и не особо жаркое, но светлое и ласковое заполярное солнышко.

Правда, сколько ночной верёвочке не виться...
Как правило, всему, в том числе и ненасытному аллигаторскому аппетиту, рано или поздно, наступает вполне предсказуемый конец.

В начале марта долгожданное небесное светило алым краешком выглядывает из-за горизонта и, отогнав куда-то в сторонку непроглядную и, как уже казалось, извечную в своей непобедимости темноту, на какую-то малую толику времени остаётся в гостях у редких обитателей белых бескрайних просторов Большеземельской тундры... Боясь показаться навязчивым, сначала чуть-чуть, на минутку какую. Воробьиный шажок мелкий. Потом на заячий поскок. Ну, а потом и на быстрый, стремительный олений бег, когда сзади, с нарт, круглым деревянным шариком длинного хорея, не больно, но настойчиво, - по крупу:
- Хор-хор... Хор-хор...

Но от нарушения безраздельного господства полярной ночи до её полного и окончательного краха ещё ой, как далеко...

А пока - только различные оттенки белого и чёрного перед глазами. Белой горизонтали заснеженной тундры да чёрных шахтных терриконов, стремящихся к вертикали.

И накопившаяся за зиму усталость тяжёлым грузом хандры и депрессии всё ниже и ниже – к земле.

Сбросить бы её, распрямиться в полный рост навстречу идущей с юга весне... Но как? Ведь весна – это не только мокрый снег и ручьи, но и зелень первой листвы...

Может, именно потому уже к концу марта все пионеры и комсомольцы Заполярья, вне зависимости от места проживания, успеваемости и возраста, друженько прорезали в любой

Ах, не зови меня! Ах, не зови назад!
Я не тебе чета: агнец ты, я же – лев.
Буду лежать в цветах белая, околею.
Будут под смех хоронить, под бубенцы дурака.
Князь мой, мой добрый князь! Где же твоя рука?
Вижу далекий край и беззащитный взор
Тихого дурачка. Лучше прямой укор.
Мне не сплести судьбы. Не повернуть коней.
Пойте ж, цыгане! В пляс! Пей же, Рогожин, пей!
Выбрала себе казнь. Выбрала палача.
Что мне его душа? Дырка от калача.

ПЕСНЯ

Что грустишь ты, свечечка, в позднюю пору,
Али злой хозяин позабыл тебя?
Огонек твой клонится - долу, долу:
Давит сердце свешное грусть-змея.

И от слез горючих бело тело тает,
Ободочек траурный у огня...
Знаю, знаю, свечечка. Все я знаю -
Так же было с суженым у меня.

Отлетит душа твоя струйкой дыма,
Лишь займется в небе золота заря...
А я простила, свечечка, я простила,
Так же было, милая, у меня.

имевшейся под руками картонке отверстие под диаметр чуть меньше луковицы. Чтоб та плотно сидела в этой конструкции, но не проваливалась.

После проверки соответствия диаметров и плотности крепления, в обычный гранёный стакан наливалась вода из-под крана и на него ставилась картонка с зажатым в ней луком так, чтобы корешки луковицы были погружены в живительную влагу.

А уже всю эту пирамиду водружали на подоконник. Как правило, кухонный. Или тот, на который ранневесеннее солнышко чаще и охотнее заглядывало в гости.

Через неделю-другую из луковицы начинали выглядывать зелёные стрелы.

В квартире сразу становилось ярко, зелено и красиво. И начинало пахнуть... Та-ак вкусно начинало пахнуть весной!

А как распускаются листья на деревьях, я увидел только в институте.

На каникулы из Воркуты уезжали в конце мая, начале июня.

Снега в городе было ещё много.

За городом его было ещё больше. Ведь там им не загружали ЗиЛовские самосвалы и не увозили в неизвестном направлении с улиц и площадей. Так что, как тщательно ни вглядывайся в проносящийся за окном вагона пейзаж, он из часа в час всё один и тот же.

Сплошная стена высоких, решетчатых деревянных щитов снегозадержания в небольшом удалении от железнодорожного полотна. Навалившиеся на них, осевшие, но ещё окончательно не сдавшиеся на милость тёплого победителя, уходящие куда-то далеко-далеко в тундру снежные сугробы. Небольшие черные проплешины вытаявшей земли с накрепко уцепившимися за неё карликовыми ивами и берёзами с ещё голыми, мокрыми ветвями. Раскрашенные желто-коричневой краской прошлогодней травы островки болот.

Щиты, снега, земля, болота...

Серое, грязно-белое, черное, желто-коричневое...

Щиты, снега...

Час, другой...

Первое, что, помимо яркого солнышка, бросалось в открытые глаза утром – зелень. Яркая зелень травы на железнодорожных откосах. Свежая зелень листвы на быстро убегающих назад, к Воркуте, уже не карликовых деревьях... И не тундры - тайги...

Всё...

Всё крутом – зелёное!

Крещение и воскрешение

Слово «крещение» (греческ.) означает «погружение в воду». В православной и католической церквях крещение относится к разряду таинств. Однако термин этот имеет не единое значение. Так в более распространённом понимании «крещение» это - смерть, а водное крещение - один из способов умирания.

Кроме прочих, имеют место крещения огнем, духом и даже кровью. Люди знают о мёртвых водах реки Забвения - Лета (греч. «забвение» — из греческой мифологии), как и знают мёртвую воду реки Иордан. В Иордане Иоанн Креститель погружал в реку людей, ибо при крещении человек не только смывает с себя все прежние грехи, но и умирает для грехов, и готов для воскрешения в пионеры добропорядочной жизни.

Я постараюсь представить логическое толкование процессов крещений, но в контексте не биологической смерти, а через призму духовного очищения. Оно (очищение) способствует новому наполнению информационным (и новым уже!) отношением к быту, т.е. воскрешением от павшего духовного человека к воскресшему для истинной жизни.

Рассмотрим массовые процессы крещений и воскрешений и, конечно же, не однобоко, а в противоположных крайних их проявлениях. К примеру, живут законопослушные люди, но происходит некое внешнее бедствие, такое как наводнение или землетрясение, и вот часть этих людей превращается в мародёров, грабителей, воров, а другая, напротив - в спасателей и хранителей здоровья, жизни и имущества. Притом, социальные потрясения или шоковые процессы в экономике, военные системы и просто информационные (которые были или казались стабильными в национальном самосознании) могут восприниматься в такой момент так, словно произошел сбой этой привычной для всех системы. И вот при таких сбоях в уже сложившейся (подчёркиваю!) системе у людей начинаются отклонения от обычной их рациональной функции в логическом мышлении. Потрясения, стрессы, шок могут приводить к полным переворотам в сознании человека, и то, что казалось естественным, то, что отвращало его от соучастия в каких-либо действиях или бездействиях, человеком уже принимается как данность.

Различные профессиональные дарования людей имеют определенную направленность в его сознании, как, впрочем, и дурные. Я говорил, что, если человек не имеет, так сказать, «точных ключей» к пониманию мира в химической, физической, астрономической, космогонической и иной интерпретации, то он в реальности и не является представителем этого мира. Так же мной писалось, что переходы из одного мира в другой осуществляются при переворотах в сознании или при отклонениях в сознании - человек может обращаться в иного представителя, а может (несмотря на различные искушения и соблазны) и не обращаться.

Массовые перевороты и переходы из одного устройства мира в иной, имеют тоже свои особенности. Например, для США, с позиции космогонии, самым важным событием в истории страны является Гражданская война (1861—1865 гг) и победа северян в этой войне. Эта победа для страны имеет большее значение, чем любые ее технические достижения в освоении того же космоса (где американцы наивно ищут иной мир!)

Возникновение некоего нового представления мира возможно лишь при совпадении внешних особенностей с внутренним рациональным соображением. Это и есть ключевые оборотные расположенности, которыми и открываются двери к новому представлению какой-либо действительности!

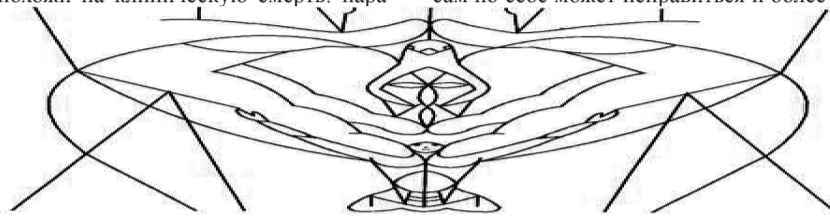
В истории нашей страны есть очень яркие примеры социальных переворотов, которые претерпевали изменение рационального мышления в массовом сознании. Это - социальное потрясение и приход к власти Ленина и Сталина со своими догмами (от греч. dogma - мнение, учение, постановление). Потом - хрущёвское отклонение от советского сознания и системы. Затем - переворот с приходом власти (со своей антисоветской линией), которая была зеркально перевернута, шла вразрез советскому социальному бытию и, конечно, сознанию. То есть появились уже совершенно другие миры и представители, хотя сохраняется хронология и многие другие одинаковые признаки. Мне уже давно не встречаются люди с советским рациональным сознанием, причём, даже среди современных коммунистов таких людей уже почти и нет. Потому, когда я слышу, что некие проблемы в Российской Федерации связаны с коммунистами, пусть даже и бывшими коммунистами с «совковым» сознанием, то это лишь свидетельствует о ложных попытках оправдать то, что и обстроилось

после шоковых экономических, националистических, геополитических, оккультных, социальных, информационных и других антисоветских крещений и воскрешений.

Однако надо четко сказать, что в любой системе имеют место быть и исключения из общепринятых правил, но в таких случаях срабатывает система приспособлений, притворств, скрытности. Но даже явные проявления иного порядка или иного рода информации просто игнорируется общественным, другим, уже рациональным, сознанием.

В добропорядочном мире случаются исключения, которые в порочном мире зачастую выдаются за правила.

Глобальные социальные катаклизмы очень похожи на клиническую смерть: пара-

лич, при котором многие функции в организме резко снижают деятельность, а сознание становится некой абстрактной субстанцией. В такой период в сознании человека могут происходить непонятные процессы - «метаморфозы». Такие же процессы происходят в массовом сознании общества, а процессы эти могут совпадать не только с природными катаклизмами, но также совпадать и с переходом общества на новые прогрессивные открытия и с реализацией этих открытий.

Гениальность и сумасшествие, страх и любвеобильность, а также другие противоположные качества становятся, порой, не отличимы. Однако, чем моложе представитель рода, тем он менее насыщен стереотипной информацией, а потому именно молодые люди, как, впрочем, и малолетние представители других существ, впитывают новые реалии в различных отношениях.

Для системно сформировавшихся и сложившихся уже в определенные стереотипы людей должны происходить процессы приспособлений и адаптаций начального выживания. Либо в их сознании должны происходить отмирания уже ненужных стереотипов (которыми эти люди руководствовались в ином социальном бытии), но с тем, чтобы заполнить пространство новым стереотипным мышлением и новыми отношениями в бытии. Поэтому, чем крепче стереотипы в сознании человека или общества, тем трудней их разрушить и выстроить новую систему рациональности. Проще, чтобы разрушить сложившийся уже крепкий стереотип, нужно более сокрушительно получить некое потрясение.

Например, преступники и обманщики вовлеченные в такую же бытовую среду и систему такого же стереотипного мышления, не получая адекватной сокрушенности внутреннего и внешнего воздействия, так и остаются сложившимися преступниками. Порой, даже уличенные и наказанные, они не оставляют этого стереотипа мышления, которое у них уже сформировалось и в повадках, хотя общепринятые нормы такие люди используют в общении и в быту. Но это не их естественный стереотип. Чем крепче стереотип, тем необходимее становится и экстремальное потрясение, которое способно разрушить один стереотип и заменить его на другой.

Возьмем реальные примеры и вспомним историю с Порфирием Ивановым. Он имел сложившийся стереотип блудника, сквернолова, пьяницы. Но никакие обряды представителей культовых вероисповеданий не производили в нём отмирания этого стереотипа, и воскрешение типажа, ведущего здоровый образ жизни, не будили информации добропорядочности. Когда Порфирий Иванов осознал всё своё порочное естество, то он принял экстремальное крещение водой. И не культовыми обрядами он осуществлял это крещение. Это

экстремальное крещение и внутреннее сокрушение произвело в нём полный крах прежнего его стереотипного естества! И при этом он преобразился совершенно в другого человека, который стал выстраивать новый в себе стереотип. Иванов стал проповедовать экстремальный образ жизни через физическую закалку организма.

Однако, как я уже говорил, стереотипы могут формироваться разные, но они не все устойчивы, а потому, если человек только сделал или сказал нечто плохое и чувствует при этом свою вину, мучается, что в нём зарождается порочный стереотип, то, порой, достаточно извинения и его прощения тем, кому он принес плохое настроение. Такой человек сам по себе может исправиться и более такого

не допускать, строго следить, чтобы его добропорядочный стереотип не пострадал и не сменился на порочное естество.

Бывает, что, кто-то простил или сам человек исправился, но некоторые пытаются ему воссоздать уже умерший, так сказать, в нём плохой стереотип, для шантажа. Или стараются доказывать другим, мол, а он-то вот каков! а теперь себя за этого выдает... Конечно, есть и притворщики, которые, якобы, покончили с одним образом поведения и характера, а возродили другой.

Что же касается Порфирия Иванова, то и не стоит сомневаться в том, что он покончил таким экстремальным способом со своим порочным образом или стереотипом и преобразился в другой образ - воскрес для здоровой жизни! Хотя проповедание Порфирием Ивановым только экстремального преобразования из плохого в хорошее не всем нужно (как и постоянное нахождение в экстремальном состоянии, чтобы не поддаться опять порочным соблазнам и искушению). Более того, есть и сами по себе добропорядочные люди, которым не надо разрушать свои стереотипы, т.е. есть и обратные крещения и воскрешения, причём как от экстремальных происшествий, так и через постепенное прививание порочных привычек, которые становятся порочным стереотипом в мышлении и в поведении. Однако сам по себе факт с Порфирием Ивановым и есть пример реального крещения порочного естества и воскрешения новой добропорядочной в нём естественности. Факты эти - лучший показатель преобразования человека. Лучший, чем многочисленные ложные обряды, проводимые различными представителями культов вероисповеданий, которые считают именно притворные и театральные обряды «истинными», в отличии от совершённого Порфирием Ивановым реального крещения и воскрешения.

Я заявляю, что крещение самого Порфирия Иванова и его преобразование в нравственного человека истинным крещением и воскрешением. В связи с этим хочу сказать, что мне пока не довелось увидеть ни одного человека, прошедшего обряды крещений у представителей культов верований, который очистился от невежества, лжи и других пороков и просветился для истинного благоразумия и справедливости.

Вообще притча «О блудном сыне» и есть, своего рода, пример падения, либо медленное опускание человека, в смерть от добропорядочности, воскрешение в нём порочного стереотипа, затем полное опустошение и приход сознания, а затем и реально приход обратно к добропорядочной жизни. Если было бы так, как пытаются толковать все оккультные представители о вполне реальных биологических явлениях крещений и воскрешений, то земной Адам с Евой должны были бы биологически и умирать, чего не произошло. Различные

мнимые и воображаемые верования, которые внушают представители различных культов, складывают ложные стереотипы в массовом сознании общества, как о реальной справедливости в суждениях и в социальных построениях. Люди фанатично верят в вертепные обряды и ритуалы - мол, их «вера» (замечу - мнимая) и избавляет их от плохого. Мол, люди в этих обрядах приобретают хорошее. Приобретут после своей биологической смерти некое тоже воздаяние. По сути, в своем же реальном духовном мире люди уже стереотипно ставят выше себя лживых оккультных представителей, возносят так же богачей, хитрых обманщиков, блудниц и блудников, пошляков, бандитов, притом отводя себе роль ничтожности, даже будучи тотальными эгоистами. Это ложные стереотипы в сознаниях и ничего не имеющие к реальным положениям и качествам, отношения в быту тоже довольно крепкие, а разрушить их, порой, не представляется возможным. Ведь часто эти стереотипы уже выстроены в реальном социальном и информационном рациональном положении. Для того, чтобы изменить в массовом сознании стереотипное представление, которое сложилось за века у российского общества во времена политики Ленина и Сталина, воссоздавались куклы в образах попов, богачей, корыстолюбцев, блудников, пьяниц. Их уничижали, сжигали как, например, на масленицу, а образ добропорядочных крестьян, рабочих, красноармейцев, советских ученых, идеологов и так далее возносили. Ломка старых символов и стереотипов в сознании изменяла и психологию людей, которые уже устремлялись и приобщались к просвещению, моральным идеалам быть героями и энтузиастами в новом рациональном сознании и построении мира.

С антисоветской перестройкой опять в стереотипах все поменяли, где народ и простой обыватель, в частности, восприняли геополитические, идеологические, экономические, информационные и прочие параличи, а затем шоковые терапии. Опять обычный человек унижен - у него другие стереотипные идеалы и предположения, и, можно сказать, что все опять перевернуто с ног на голову!

Конечно же и перевернуто отношение к советским образам, символам, системам в экономике, в геополитике, в информации к советской социальной закономерности и стереотипам. Акцентируя внимание на эти и другие закономерные процессы, которые касаются реальной духовной рациональности в соображениях индивида и общества, я привожу и примеры для более ясного понимания. Какие процессы из них носят определительный характер, выводится мной из правил, а не из слепых верований, и никогда я не стану утверждать, мол, если вы будете верить в нечто и умрете в этой вере, то получите некое спасение.

В своем издании мы даём сведения тем, кто хочет понять единичные или массовые случаи различных наклонностей, изменений в наклонностях или переворотов в сознаниях и бытии. При этом даём примеры более точных определений: кто и во что преобразовывается, и когда это просто мнительные обманы.

Меня очень часто критикуют за мои аналитические публикации. Статьи (эссе), мол, банальные, примитивные. Что в литературном отношении, мол, непонятные. Что в них, дескать, есть несоответствие со святыми писаниями. Что всё написанное мною - это безбожные нападки на, якобы, истинных приверженцев к Божьим правилам и закономерностям в сознаниях, в быте. Однако, чаще всего негативные оценки моих работ исходят от циников, высокомерных псевдолитераторов и оккультных фанатиков, которых не устраивают поднятые, зачастую, трепетные темы. Темы, открытые для дискуссий. Вполне возможно, что мои статьи не претендуют на высокую литературную изысканность, ибо в них нет литература, а живая душа. Душа, ищущая Истину. Присоединяйтесь!

Мы стараемся печатать в нашем издании статьи на волнующие темы, освещать события. Печатаем и художественные произведения в стихах и прозе, имеющие моральную суть в представлении тех или иных нравов, и в художественных стереотипах.

Такие материалы тоже вызывают различные суждения у людей, которые, заявляя, что они в этом ничего не понимают, пишут на них осуждения, другие же соглашаются с реализмом, а иные принимают к сведению.

Сергей ПАШКОВ

г. Казань

Вера Арямова

Журналист, поэт, писательница. Работает в правительственной газете «Республика Татарстан» обозревателем социальных проблем. Член Союза российских писателей и Союза журналистов РФ. Автор книг поэзии и прозы.

Пес

(Фарс)

Муж Антонида превратился в пса. В крупного, хорошего пса непонятной породы. Произошло это постепенно. По какой причине, Антонида не знает - может, вирус какой подхватил, два года болтаясь вдаль от семьи, а может, думает она иногда с обидой, без всякого вируса, по собственному желанию. Потому как ни разу не видела Антонида, чтобы мелкие - поначалу - изменения, которые замечали оба, его огорчали или хотя бы удивляли. Он казался даже довольным, обнаруживая новые собачьи признаки на собственном теле.

А началось все с запаха. Вернее, с его пропажи.

Антонида собирала рубахи Алексея в стирку. И по женской слабости, а скорее, по старой памяти, ведь женской слабости к мужу у Антонида к тому времени уже не осталось, прижала их к лицу и вдохнула запах. Вот тут-то и обнаружилось, что прежнего, родного духа от них не исходило - рубашки резко и явственно пахли псиной. Большого значения этому Антонида сначала не придавала и, может, вскоре забыла бы об этом, если б не событие, последовавшее аккурат в тот вечер, когда выстиранные «Тайдом» с лимонным запахом рубахи она тщательно выгладила и повесила в шкаф на плечики - по две рубашки на каждое.

Закончив работу, она вошла в большую комнату, где последнее время спал на диване муж. Алексей смотрел телевизор, но на приход жены отреагировал, протянув к ней обе руки. Антонида легонько погладила его и присела на диван. Алексей с готовностью подвинулся и тут же, зевнув, потянулся во весь свой огромный рост. Одежда не хватило, и одна нога выпросталась наружу. Ладно бы нога, а была это не нога, а собачья лапа. Рыжеватая на вид, с крупными растопыренными когтями. Антонида, вскочив, оторопело глядела на нее, а после перевела взгляд на мужнино лицо. Он тоже смотрел на лапу, и, похоже, она занимала его больше, чем донельзя удивленная Антонида. Потом, как бы с сожалением, втянул лохматую под одеяло и через секунду снова выпростал, но уже не лапу, а свою, вполне человеческую ногу.

«Фу ты, причудится же такое!» - облегченно выдохнула Антонида и снова посмотрела на лицо Алексея. Он, как ни в чем не бывало, смотрел на экран. «Куда ж это мне мозги-то повело? - подумала Антонида. - С чего мне все это приблизилось?» Антонида устыдилась собственных галлюцинаций в отношении мужа и почувствовала себя виноватой перед ним.

- Алеша, можно я побуду с тобой? - жалобно сказала и обняла мужа. Тот заулыбался, глянул в глаза Антониде ласково и преданно. Она положила голову на плечо Алексея и вдруг услышала упругие, дробные удары в

мягкую спинку дивана. Скосив глаза, увидела: крупный собачий хвост в легкую загогулину колотит, как бы от радости, по обивке дивана, и на ней остаются рыжеватые шерстинки. «Линяет...» - последнее, что подумала Антонида и хлопнулась в обморок.

Сначала Антонида пыталась разговаривать с Алексеем, надеясь остановить процесс.

- Я всегда изнутри был псом, - сообщил муж.

- Как это псом, я же влюбилась в тебя, замуж пошла, детей тебе родила! Никакого пса ты даже отдаленно не напоминал.

- Ну да, - ухмыльнулся Алексей, - я же старался тебе понравиться, на задних лапах перед тобой ходил.

- А почему же теперь не ходишь? - вскрикнула Антонида.

- Ну, нельзя же всю жизнь на задних лапах проходить. Ты вот попробуй всю жизнь - на цыпочках...

На такой резон Антониде и не возразить было.

Дальнейшие разговоры на эту тему муж обрывал лаем. Как только заговорит Антонида об этом, Алексей - в лай. А потом стал лаять и по другим поводам.

Совсем прохудилась на веранде крыша. Антонида купила рубероид, Алексей покрыл половику крыши и забросил дело. Как только она напоминала ему о приближающихся вместе с осенью дождях - начинал лаять. При этом у него то уши собачьи прорастали ненадолго, то нос покрывался шерстью, а то и вся голова превращалась в псину. Антонида пугалась и отступалась от него. Что делать с крышей, никак придумать не могла. Не просить же соседа чинить - при живом-то хозяине! В округе все знали Алексея как мужика с золотыми руками и большой силищей. У всех на виду Алексей когда-то один этот дом из разлухи поднял: и фундамент под него подвел, и крышу сменил, и веранду пристроил, и много еще чего. Соседи, кажется, ещё не догадывались, что происходит с Алексеем.

Антонида весь этот ужас переживала вдвойне. Десятилетний Колька был свидетелем отцовских превращений, и хотя его-то малолетство хранило от глубокого переживания происходящего, Антониду, как мать, не спасало ничто.

Она шла на работу. Сначала на одну, потом на другую - помимо основной, подрабатывала мытьем полов в двух магазинах и в подъезде жилого дома. Весь день таская с собой Кольку за руку, она чувствовала, что думает с ним об одном.

- Вообще-то, мам, я всегда мечтал о собаке. Как ты думаешь, папа когда-нибудь превратится в собаку насовсем? - высказался однажды Колька.

Антонида не сдержалась и заплакала.

«Насовсем» Алексей превращался в собаку довольно часто и собакой нравился ей больше, чем человеком. В собачьей ипостаси сдержанность и дружелюбие. В человеческом же обличье и при частичных превращениях Алексей стал невыносим. Он чесался задней ногой, не снимая ботинка, добивался, чтобы вылизанные им тарелки и сковородки считались вымытыми, за стол с нею и Колькой садиться перестал, а издали, неотрывно и преданно глядя на людей, дожидаясь, когда Антонида поставит еду перед ним на пол. Колька порой забавлялся: служи! И Алексей, подмигивая сыну человеческим глазом, выхватывал подачку. Антонида впадала в истерику, Алексей начинал злобно рычать и скалить уже вполне собачьи клыки - он не выносил отрицательной эмоциональной реакции на свое поведение. А собакой ластился, лизал руки... Но однажды попытался обнюхать Антониду под подолом. «Прочь, прочь, пошёл вон», - закричала она не своим голосом, и пёс, поджав хвост, проворно выскользнул за калитку. Любопытно, что задвижку открыл быстро, вполне по-человечьи - передними лапами, встав на задние.

Быть женой полупса-получеловека немногого. Антонида тосковала и однажды излила тоску соседке Алле, рассказав все. Алла была супругой бизнесмена. Новенький дом их горделиво возвышался среди других, выросши, как гриб, за одно лето. Мужики-соседи

проходили мимо, отвернувшись, потому как у себя дома отбивались от жен, ставивших им мужа Аллы в пример. Доказывали женам - никакой работой денег таких не заработаешь, только воровством. Зато женщины относились к новой соседской паре уважительно-подобострастно, сразу признав за ней первенство над всей улицей. И шли к Алле с любой нуждой - позвонить, денег занять, помочь похлопотать о чем-то, просили советов. Алла соседок привечала: ведь никакие железные решетки на окнах не спасут от грабителей, а вот хорошее отношение соседей ввиду такой опасности дело совсем не лишнее.

Рассказ Антонида близился к концу, когда зашла Нина - позвонить с Аллиного телефона. А Антонида остановиться не сумела, досказала свою историю при ней. И если глаза Аллы по мере рассказа становились все более удивленными и испуганными, то Нина как будто не нашла в нем ничего удивительного.

- Ну и чего ты ревишь-то? - строго сказала Антониде Нина. - Эко дело, пес! Солидное существо, дом охранять станет. У меня вона - пятый год Васька пятак да хвост закорючкой отращиват, копыты, опять же. Да еще хрюкает, как по пятаку-то хлопну газеткой или чем попало. Совсем превратится - куда его? На мясо, что ль? Никак нельзя, двоим работ у нас, внуки.

- Женщины, вы с ума сошли, или разыгрываете меня?! - почти взвизгнула Алла. - Идите с Богом, думать надо было, за кого замуж выходите и от кого детей рождаете! И вообще перестаньте, все это бред, бред!

- Дак вовсе не бред, Аль, - сказала Нина. - От винища все. Сперва пьют-пьют, а под конец така мутация и выходит с имя. Ниче не понимают, ниче не делают, обыкновенный алкоголизм. Только раньше не превращались, а теперь превращаются. Вона смотри, спида раньше тоже не было, а ноне есть. Мало ли какого сраму нанесло, и это тож...

Алла меж тем уже поднялась с дивана, совладав с собой. Вежливо выпроваживая женщин, вышла с ними на крыльцо. Глаза ее вдруг округлились, она смотрела в направлении дома Антонида. У калитки стоял Алексей и, глядя на пробегающую мимо собаку, преобращался на глазах: встал на четвереньки, оброс шерстью, хвостом, завилал им и весело побежал за собакой...

- Ну вот и отдохнешь от его теперь, - заявила Нина Антониде, - он за сучкой-то далеко убежит, может, с неделю его не будет, может, доле. Ты пока будку спроворь, он, может, больше в человечье обличье и не придет, я об таком слыхала. Лучше б и не вертался, опосля того тебе с ним еще хуже будет. Мне Ваську-то кастрировать пришлось, как он к соседской хрюшке в сарай зашел. А твой не дастся - эко пёс какой громадный!..

Вера Арямова

Как ветер не терпит преграды,
Как солнце не знает остуды –
Со страстью не может быть сладу,
И я острожной не буду.
Со мной мое чувство не шутит -
Оно снисхожденья не знает,
Дойти заставляет до сути
И раны свои не считает.
Несущий сквозь праздник и муку –
Нет, сердце не двигатель вечный!
Осилю земную науку,
А кончится жизнь – не замечу!

* * *

Не жирный кусок пирога,
Не зависть в глазах у врага,
А гром... среди ясного неба!
И запах полыни и хлеба,
Ребенок, с которым нежна,
Работа, которой нужна,
Разбитое сердце на части...
Ну, что еще нужно для счастья?....

Наиля Ахунова

Наиля Ахунова – поэт, сценарист, драматург. Родилась в Альметьевске (1959), живёт в Казани. Дочь известного татарского писателя Гарифа Ахунова. Закончила библиотечный факультет Казанского института культуры. Руководитель ЛИТО Казанского медуниверситета «Белая Ворона», давшего «путевку в жизнь» немалому числу талантливых и неординарно мыслящих поэтов, организатор ежегодного фестиваля поэзии и авторской песни «Галактика любви». Автор девяти книг и множества публикаций в центральной и республиканской печати. В казанском театре кукол «Экият» («Сказка») много лет идёт её пьеса «Здравствуй, Ёжик!». Как сценарист документального фильма «Ласточка цвета жизни» Наиля стала лауреатом 2-го Республиканского кинофорума «Кино без барьеров».

Наиля Гарифзяновна Ахунова – заслуженный работник культуры Республики Татарстан, лауреат Литературной премии имени Максима Горького.

Это не день, а подарок...

Это не день, а подарок,
И по-весеннему яркое
Старого сада покров.
Он не скрывает даров:

Теньканья звонкой синицы,
Солнца, что жмурит ресницы,
Первых сосулек капли,
Влажного воздуха хмеля...

* * *

Прошумело детство
Солнечным дождём,
Пролетела юность
Беззаботным ветром.

Мы с тобою вместе
Зиму переждём,
Тихо вспоминая
Наше лето.

Мне теперь по сердцу
Светлая печаль
Парков золотых
И садов Казани.

Молодость ушедшая,
Мне тебя не жаль,
Я теперь полна
Иных сказаний.

* * *

Памяти
моих родителей

Душе не надо хлеба,
Душе не надо зрелищ,
Ей нужно только небо
И тишь укромных лежбищ.
Душой любимы звуки
Родной татарской речи,
Что от тоски и скуки
В мгновение излечат.
Приеду тихой ранью
Я в Арскую глубинку,
Где на окне герани,
А за окном – рябины.
Где речка так же вьётся,
Бежит среди холмов,
Где сердце громче бьётся,
И закипает кровь
От зова наших предков,
Дыхания земли,
Где свой приют надежный
Сородичи наши.

ФИНЛЯНДИЯ

Геннадий Михлин

Геннадий Михлин, жил и работал в Ленинграде, Мурманске. В 70-х годах были публикации в «Крокодиле», «Авроре», в периодической печати в Мурманске. Но затем 30 лет практически литературой не занимался. Очнулся в недавнем времени. В Финляндии имел публикации в газетах «СПЕКТР», «Русский свет». Участник нескольких международных литературных конкурсных сайтов, что считаю важным для себя. В последнее время появились публикации в журнале «Новая литература» - 3 сборника, в коллективном поэтическом сборнике «Импульс-3» в Москве, в журнале «Ямальский меридиан» Северного издательства, в газете «Горцы» в Дагестане. В Финляндии живу и работаю с 1990 года. Являюсь ведущим Литературной интернет-газеты Финляндии «Северная широта» <http://www.sever-fi.org>. Добро пожаловать всем, кто знает буквы и умеет их расставлять в интересном порядке!

Геннадий Михлин

Лирика

Бессонница

Улица — рампа,
а ночь — режиссер,
может быть, странный
и слишком упрямый.
День отгорел, как сигнальный костер,
в окна врываются блики рекламы.
Синий — «Спешите смотреть
кинофильм!»
Красный — «Комедия очень
смешная!»
Видел — комедия для простофиль,
Видел — комедия очень пустая.
Светят в домах перфокартой огни,
в них распорядок, программные
чувства,
самодовольство, беспечные дни...
Только в программу не втиснешь
искусство.
Синий — «Спешите смотреть
кинофильм!»
Тронул сосед за стеной выключатель.
Вечер негромко огни загасил,
ночь распростила немые объятия.
Долго напротив маячит окно —
чья-то душа бьется в кубике света.
Бьется, но будет ли ей суждено
прикосновение теплого лета?
В этой ночи — как призывный огонь...
Может быть, в душном рекламном
пространстве
кто-то бредет, подставляя ладонь,
скромному свету в оконном
убранстве?
Нет — ни души!
Штабеля этажей
множатся нагромождением яичным.
Город во сне, и вдруг станет родней
скрип половицы шальной и ничейный.
Только зачем, выбиваясь из сил,
бредит реклама, покоя не зная?
Синий — «Спешите смотреть
кинофильм!»
Красный — «Комедия очень
смешная!»

Зажгутся фонари

В природе будто все устало,
Толкнулся сейнер о причал...
«Моряк, ты слишком долго плавал...»
На берегу закончен бал!

Гонимый болью и смятением,
Я побреду в ближайший бар.
И там напьюсь без наслаждения,
чтобы смягчить судьбы удар.

В том заведеньи дымном, пьяном
угрюмы лица — не друзья,
Сосед дремучий со стаканом —
видать, такой же, как и я.

И вот случайный собеседник
умом окажется — Сократ!
И будут гениальны бредни,
увидю я, Сократ мне рад.

Зажгутся фонари и будут
лучиться, вспарывая темь,
Сократ мне аргументов грудю
добротных, цепких, как репей,
вдруг выскажет. А я поверю,
что все прекрасно — дай-то Бог!
Не надо все хлопать дверью
и убежать, не чуя ног.

Сидишь совсем некрасивая

Сидишь совсем некрасивая,
ведь слезы — плохой косметолог,
и все же по-прежнему милая,
а я кажусь тебе врагом.
Терзаются души пристрастием —
коварнее нет переплета,
чем антагонизм двоевластия:
любовь к тебе

и работа.

В глазах твоих — брызги вопросов,
колючие, злые ветры...
Со счета сойдут колеса,
наматывая километры.

Прости!
Все забуду на свете,
тебя на время забуду.
Вины моей в этом нету,
как нет и моей заслуги.

Иронические

В душевной маленькой каморке

В душевной маленькой каморке
ночь глядит в проем окошка,
и, как будто родничок,
ночничок дрожит-трепещет,
суетно играя с темью...

В душевной маленькой каморке
в толстостенном заключеньи
лист папируса под свечкой,
и перо — как медиатор,
между чуткой белизною
и лохматой головой.

В душевной маленькой каморке
концентрируются мысли
до критических пределов,
атомно взрывоопасных,
до несчетных мегатонн.

А под небом все прекрасно!
Солнце с бледною Луною
мирно тянут хоровод
и не ведают, что где-то
в душевной маленькой каморке
концентрируются мысли
до критических пределов
в прозорливой голове.

Но, когда созреют мысли
в тяжком бремени несносном,
то однажды вдруг изыдет
из той маленькой каморки
в ореоле - будто факел -
обладатель гениальной
и лохматой головы.
И раскинет длань над миром,
И его вдруг все узнают.
И как будто детонатор -
пронесется легким бризом
над узревшею толпою
изумленный вздох мечты...

Вот тогда случится взрыв.

Те, что чудом уцелеют,
будут разводить руками
и рассказывать потомкам,
как всем было тяжело.
Но потомки не поверят,
потому что Солнце светит,
и придут толпой на встречу
с прозорливой головой.

Эх, наверно, не найдется
в мире больше человека...

Ну, тогда я вам скажу:
- Не давайте больше часа,
даже больше двух минуток
в душевной маленькой каморке
ночью сживать под свечкой
даже лысой голове.
Например, как у меня.

Как хорошо на свете быть писателем

«У вас мозоли на руках.
Вы писатель, наверное?»
Автор разыскивается»

Как хорошо на свете быть писателем
в халатике махровом, полосатеньком!
И в кресле восседать большим и
кожаном
за письменным столом, где, как
положено,
все рукописи вперемешку с книгами...
И стопочкой коньячною поигрывать.
И дым пускать из длинной сигареты.
А рядом — секретарь полуодетая,
привычная, как песня перепетая,
но нужная вот именно для этого...

Входная дверь звонками надрывается-
Очередной посланник пробивается,
в жюри зовет и манит бенефисом.
Писатель обвинит его в цинизме:
Где строчки о наличии банкета
и цифрах казначейского билета?

Экскурсии — понятно, что не даром! —
Конвертики подносят с гонораром.
Писатель отвечает на вопросы:
«Когда писал роман, я был
матросом...»
И снова кто-то бархатистым басом
поманит соблазнительным авансом...

Да, хорошо на свете быть писателем
в халатике махровом, полосатеньком!
Поглядывать на шкаф и полки с
книгами
и стопочкой коньячною поигрывать.
И, закусив отваренной телятинкой,
с верандочки глядеть
полувнимательно,
как там листва осенняя колышется...
И говорить задумчиво: «Не пишется!»

Геннадий Михлин стал лауреатом в номинации «Поэзия» на Международном конкурсе юмористической поэзии и прозы «Жизнь прекрасна!», посвященном 150-летию со дня рождения Антона Павловича Чехова.

Ванда Саволайнен

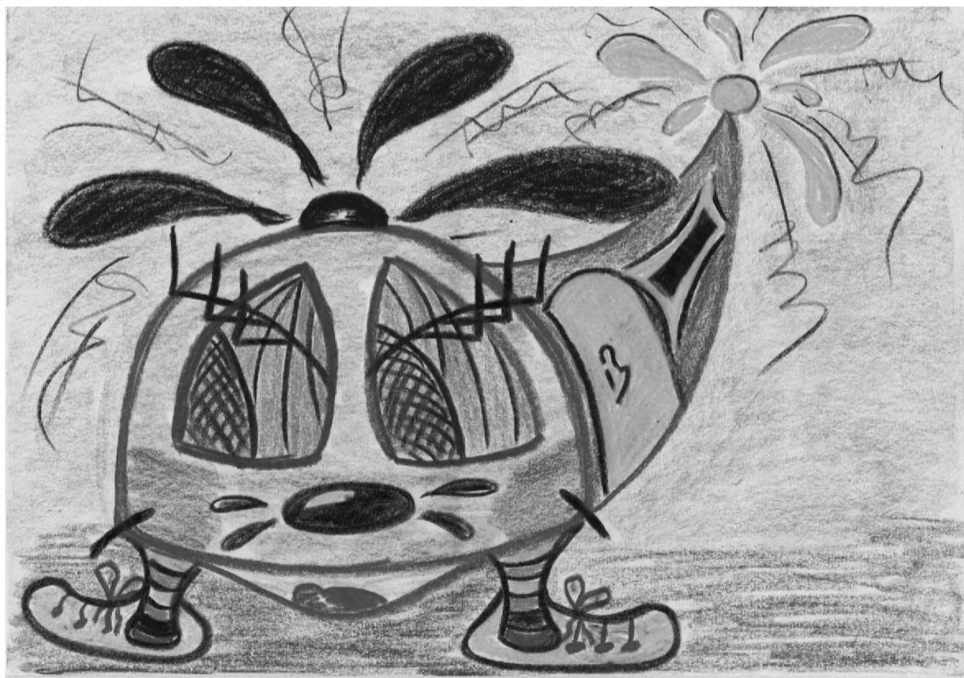
Родилась в Ростове-на-Дону. В 80-х окончила Ростовское училище искусств, в 90-х - Краснодарский институт Культуры. Работала директором музыкальной школы 4 года. В 1999г. приехала в Костомукшу. Занималась общественной работой, возглавляла общественную организацию «Наше будущее». В настоящее время живу в Финляндии. Очень люблю детей и пишу для них стихи.

Маленький чудак

Возле леса, на полянке,
Жил мышонок-счетовод.
Он носил с собой блокнотик,
Удивлял лесной народ.
Все записывал подробно,
Где делил, где умножал.
От рассвета до заката
Все трудился и считал.
От лисы отнимет шишку,
Пень прибавит к барсуку,
Даже медвежонка с белкой
Он умножил на осу.
Эти странные задачи
Не решались, ну никак!
Потому, что был мышонок
Просто маленький чудак.

Поэт-зануда

Пригласил на чашку чая
Слон поэта-муравья.
Тот читал ему поэмы
С выражением три дня.
Про лису и про сороку,
Про крота и про башмак...
Муравьиные поэмы
Не кончаются никак.
Слон устал поэта слушать,
Сколько можно! Нету сил!
Слон вздыхал и тихо охал:
- Вот так чаю я попил!

Вертолет

У меня такой вопрос:
"Где у вертолета нос?
Глазки где и ножки где?
Как он ходит по земле?
Что он кушает на завтрак?
С кем он дружит? Где он спит?
Почему жужжит, как пчелка,
и на месте не стоит?"
Папа, почесав свой нос,
так ответил на вопрос:
«Потому что вертолет
пригласит тебя в полет,
в небе он парит высоко
слушает всегда пилота,
ест на завтрак керосин,
оттого в нем много сил.

Сверху крутится пропеллер,
есть колеса, тормоза,
Ну а если приглядеться –
вылитая стрекоза!»

Паучок-танцор

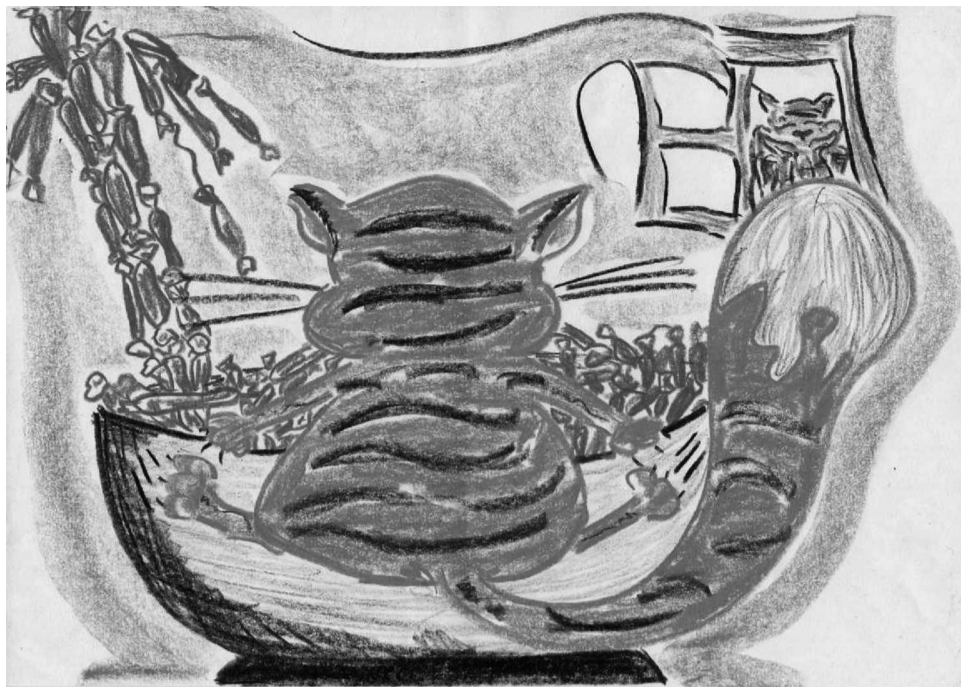
За амбаром, у колодца,
Жил весёлый паучок.
Отбивал чечётку лихо,
Как заправский морячок.
Он выкидывал коленца,
Как заслуженный артист.
И ещё крутил ногами
То ли джигу, то ли твист.
Но настало Бабье лето –
И не видно паука.
Он, наверно, на гастролях
С ветром пляшет гопака!

Ворчунья мышка

Пожурила мышку мама:
-Где опять твоя панамка?
Ты ее забыла в норке,
У себя на книжной полке?
Сколько можно забывать!
Не устану повторять:
Солнце светит очень жарко
Малышам нужна панамка.

Лесовичок

На краю лесной опушки,
В старой, маленькой избушке,
Жил добряк-лесовичок,
Невеличка-старичок.
Летом он варил варенье,
Заготавливал соленья,
Угощал своих друзей:
Белок, зайцев и мышей.
Осенью ходил с лукошком,
Чтоб собрать в лесу немножко
Сочных ягод, шишек спелых,
Крепеньких грибочков белых.
Зиму всю читал он книжки
И латал свои штанишки.
А весной чинил лукошко
И писал стихи немножко.
Так и жил лесовичок
Невеличка- старичок.

Мечта

У соседского кота
Есть заветная мечта –
Чтоб в его огромной миске,
Каждый день росли сосиски.
Положить одну с утра,
Подождать, чтоб подросла.
Ну а вечером из миски,
Так и валятся сосиски,
Чтоб была их там гора!
Правда, вкусная мечта?

Не пойму

Почему горит огонь?
Не пойму,
Надо мне спросить у папы, почему
Реки мокрые, а айсберг ледяной?
Объяснит и все расскажет папа мой.
Для чего растут деревья?
Не пойму
Надо мне спросить у мамы, почему
Нам нужны с тобой моря и острова?
Объяснит все это мамочка моя.
У родителей задача на земле -
Объяснять, что? Почему? Когда? И
где?
Чтобы грамотным и умным ты
подрос.
Не стесняйся, задавай вопрос!

Нужный подарок

Подарили рыбке зонтик
Накануне Рождества,
Чтобы рыбка с той обновкой
Новый год встречать пошла.
Чтобы радостно у елки
Танцевала под зонтом,
И колбочие снежинки
Были рыбке нипочем.

Приятная прогулка

Мы сегодня в лес ходили
Там мы видели дрозда,
Белку, зайца и синичку,
И колючего ежа.
Покормили их немножко,
Помахали им рукой,
И в веселом настроенье
Возвратились мы домой.

Глупый мышонок

Попутить хотел мышонок
над котом, что спал в саду.
-Я ему усы покрашу,-
На свою решил беду.
-Кот храпит, меня не слышит,
он уставший и больной,
И мышей давно не ловит,
потому что стал слепой.
Хвастунишка разошелся:
-Я угроза для кота!
Кот зевнул, и...нет мышонка,
нет ни лапок, ни хвоста.

Ангел

Мне сегодня сон приснился,
Вот как я его видал:
Взявши Ангела за ручку,
Я вокруг Земли летал.
Видел я прекрасно сверху
Горы, степи и моря,
С удивлением я понял,
Как прекрасна мать-Земля.
И с улыбкою проснулся,
Было на душе светло,
А в руке моей лежало
Белоснежное перо...

Рисунки Алены ЛИСИЧКИНОЙ-
ВАЙНЕКАЙНЕН

Оливия К.

Профессиональный музыкант, с 1992г. проживает в Финляндии (г.Ювяскюля), в рифму начала интенсивно творить с 2006 г.

Думать о возвышенном

Вы сидели напротив,
грызя авторучку,
Вырез блузки на Вас
был бездонно глубок,
Я невольно представил
прелестную штучку
И от изменной мысли
точас изнемог.

“Стоп! - сказал я себе -
Ты здесь босс, не мужчина,
Думай лишь о высоком,
иначе - хана!”
Вспомнил строчки
из Гёте о горных вершинах
И трудиться без устали
смог допоздна.

Поутру я в себя
приходил понемножку
И прилежно трудился,
не глядя на Вас...

Бросил взгляд -
Вы закинули ножку на ножку,
Что-то в трубку вещая
едва ли не час.

Я забыл про дела,
созерцая колени,
Рой несносных фантазий
туманил мой взор...
Битый час предавался
я мерзостной лени
Без единой высокой идеи - позор!

Блейк на память пришёл -
про холмы и равнины,
Про небесную высь,
про свирель и тростник,
Мысли стали чисты
и почти что невинны,
Но азарт трудовой
окончательно сник.

Вы явились на службу
при полном параде -
Сквоз прозрачную
блузку виднелся сосок.
Я подумал - а вдруг
мне поможет Вивальди,
Чей духовный заряд
небывало высок!?

Непрененно Вивальди!
Ведь был он аббатом
И, конечно же,
в девственной жил чистоте.
Так почто я, глупец,
пренебрёг celibатом,
Предпочтя мир соблазна
и плотских утех?

Я для двух мандолин
слушал опус предлинный,
Проводя не бесстрастность -
намеренный тест,
Но.. лишь корпус себе
представлял мандолины,
Тут же глупое тело
являло протест:

Ваши в мыслях
моих ягодицы и бёдра
Возникали,
влекомые низкой мечтой -
Их похлопать ладонью
приятельски-бодро
И с хозяйской
приблизиться к ним правой.

Пляясь лишь в монитор
и на клавиатуру,
Я усердно работал
в прохладной тиши..
Мне казалось,
могу я исправить натуру,
Приглушив все инстинкты
во благо души,

Но во мне восставал
неуёмный мужчина,
Только облик я Ваш
представлял, и тогда
Стало ясно -
во всём виновата причина -
Вы и прелести Ваши,
от них вся беда!

Вы печалились искренне
и безыскусно,
Я галантно простился,
Вы вышли за дверь...
Мне, как классику,
стало “и скушно, и грустно”,
Но теперь без помех
я трудился, как зверь.

Хорошо быть кисою

Я тащусь от кошки Джеммы,
Что живёт в моём доме.
Мне бы кошкины проблемы,
Зажила б я по уму.

Не терзалась ни минутки
Никогда бы ни о чём,
А валялась круглы сутки
В мягком кресле кирпичом.

Не боялась бы нимало,
Что мужик уйдёт в бега,
Я б вообще не ревновала.
Мужиков-то дофига!

За измены планов мести
Не роила б чумово,
Ведь была б на первом месте
Я для мужа моего!

Брал бы муж меня на ручки
Гладил шерстку и ласкал,
Никакой, представьте, взбучки,
Хоть кажи клыков оскал,

Хоть прорви дыру в диване,
Хоть напирай на ковёр,
Никакой, представьте, брани,
А один умильный вздор.

Мужика б я не корила
Ни за что, помилуй Бог!
Знай, мурлыкала б премило
Или ластилась у ног.

Я б творила, что хотела
И не мучилась виной,
Ведь разборки, знамо дело,
Затевал бы он с женой!

Киской быть, признаюсь, классно,
Ведь, не чувствуя вины,
Можно есть сметану, масло,
Сыр, сгущёнку и блины.

И мужик не скажет: “Здрассьте!
Я тебя не узнаю!
Что-то слишком расползлась ты,
Хватит лопать, мать твою!”
Скажет он совсем напротив,
Глядя прелести рукой:
“Ух, какой у нас животик!
А жирок у нас какой!”

Из цикла «Непрошенные гости»

Уныние

Я не звала, не жаждала принять,
Поверьте, чуть
не лопнула от злости,
Когда Унынье напросилось в гости
Среди вполне безоблачного дня.

Пустой и скучный
с ним мы пили чай,
Всё скудно – сервировка и посуда,
И я сказала: «Шло бы ты отсюда!
Дорогу знаешь, не впервые, чай!»

Лень

Меня сегодня посетила Лень –
Вальяжная и сонная плутовка -
В доверье втёрлась,
как обычно, ловко
И провела со мною целый день.

«Уйди!» - просила вежливо её,
Но Лень слыла
развязной и нахальной -
Присела на кровать,
припёршись в спальню,
И рухнула с ногами на бельё.

Мы рядом провалялась два часа,
Потом смотрели вместе телевизор...
Мне стало страшно –
вдруг попросит визу,
Пропишется, согласья не спрося?

Взяла я в руки самоё себя
И стала гнать негодницу из дома -
Неспешно Лень пошла
к моим знакомым,
По дружбе нашей
прерванной скорбя..

Из цикла «Говорящие вещи»

Зеркало

Всё утро Вы глядели на меня –
Чертили брови, подводили губы...
Себя напрасно, в общем-то, браня,
Вы были и со мной площадно грубы.

Закончили и, прежде чем уйти,
Язык внезапно показали... Жалко!
Я думала, Вы – ангел во плоти,
А Вы, и правда, драная мочалка!

Лифт

В меня вошли Вы нынче поутру,
И этот Ваш дружок.. язык наружу..
Мне показалось, я сейчас помру,
Когда он вновь в углу напрудил лужу!

Трясло всего, я ехал не спеша,
А после встал.. Вопили Вы истошно,
И Ваша псина тоже хороша –
Вдруг кучу наложила, как нарочно!

Вы грудь мою топтали каблуком,
Я весь сомлел от вони и от ора,
Но слышал, как называли м**аком,
Вы, час спустя, пришедшего лифтёра.

Трёхчастная форма

Ты сладко спал.
Тебя целуя в шею,
Грустила я.. и знала, почему -
Мы бурно развивали отношенья,
Что стартовали где-то с год тому.
Я знала, оттого была несчастна,
А ты был счастлив,
ибо ты не знал,
Что форма у любви
всегда трёхчастна -
Начало, середина и финал.

Фаина Вольная

(г. Котка)

Отрыв

У меня есть крылья.
И я их иногда надеваю.
Когда мне становится грустно,
Я в небо птицей взмываю.
Я парю над Землёй и вижу
Все изъяны и все ненастья.
А ещё я вижу оттуда,
Кто достоин земного счастья.
В небе нет для меня пищи
И негде воды напиться.
И поэтому очень скоро
Нужно на «землю
спуститься».

Свет Великой Любви

Рядом с Ней нельзя быть иным.
На Неё Он хотел быть похожим.
Узнавая в ней сущность свою,
Он не смог быть
случайным прохожим.
Рядом с Ним нельзя быть иной.
На Него Она стала похожей.
И смогла его так полюбить,
Что не стала случайной прохожей.

Рядом с Ними нам хочется быть,
Свет Великой Любви созерцая!
Рядом с Вами так хочется жить,
В созиданье себя обретая!

Бытие

Я нигде и везде.
Я иду ниоткуда.
Я иду в никуда.
И другой я не буду.
Рассыпаясь, как ртуть,
Я хочу быть повсюду.
Я во всем и ни в чем.
И другой я не буду.
Без тебя и с тобой
Я живу неживая.
Обретая покой,
Я покой нарушаю.

НАИВЫСШИЙ РАЗУМ

В этой жизни разобраться сложно
И прожить легко её нельзя.
Прежде, чем учить кого-то будешь,
Научи чему-нибудь себя.
Не вини друзей своих напрасно,
Пустьками близких не тревожь.
Помни, что помогут в деле ласка,
Доброта, забота и любовь!

Очень часто люди попадают
В плен эмоций и желаний злых.
Очень часто люди забывают
О пороках собственных своих.
И чтоб Вас от этого избавить,
Я напомню ещё раз тебе:
Есть на свете НАИВЫСШИЙ РАЗУМ,
Поскорей открой его в себе.

В это царство нам попасть не просто,
И прежде от грехов освободясь,
Научитесь видеть все прекрасное,
Над пороками людскими вознесясь!

ЛЮБЛЮ УРАЛ

Музыка: Иван Шутов
Слова: Филипп Голубничий

Урал, Урал, твои просторы
Волнуют сердце мне всегда,
Твои леса, озёра, горы
Я не забуду никогда.

Урал, Урал, я с детства знаю
Твоих умельцев-мастеров,
Люблю вершины Таганая,
Огни уральских городов.

Урал, Урал, люблю я Каму,
Когда она плоты несёт,
Люблю я над Магниткой пламя,
Люблю уральский наш народ.

Урал, Урал, твои просторы
Волнуют сердце мне всегда,
Твои леса, озёра, горы
Я не забуду никогда

СЕРГЕЙ ТИМОШЕНКО

Писатель, поэт. Краевед (род. 1940г).
Имеет множество публикаций. Издано
несколько книг. Лауреат премии
им. Бирюкова.

Сергей Тимошенко

Царевна горного края
(М.С.Т.)

Туфли яхонтом горят,
Платье будто в инее,
На Урале, говорят,
Есть царевна Синяя.

Вся корона в самоцветах,
Стелет синь сапфир на ней,
Аметисты на браслетах,
Виден блеск иных камней.

В её косах — изумруды,
На груди — жемчужины,
И сиять в них ночью будет
Блеск, луной разбуженный.

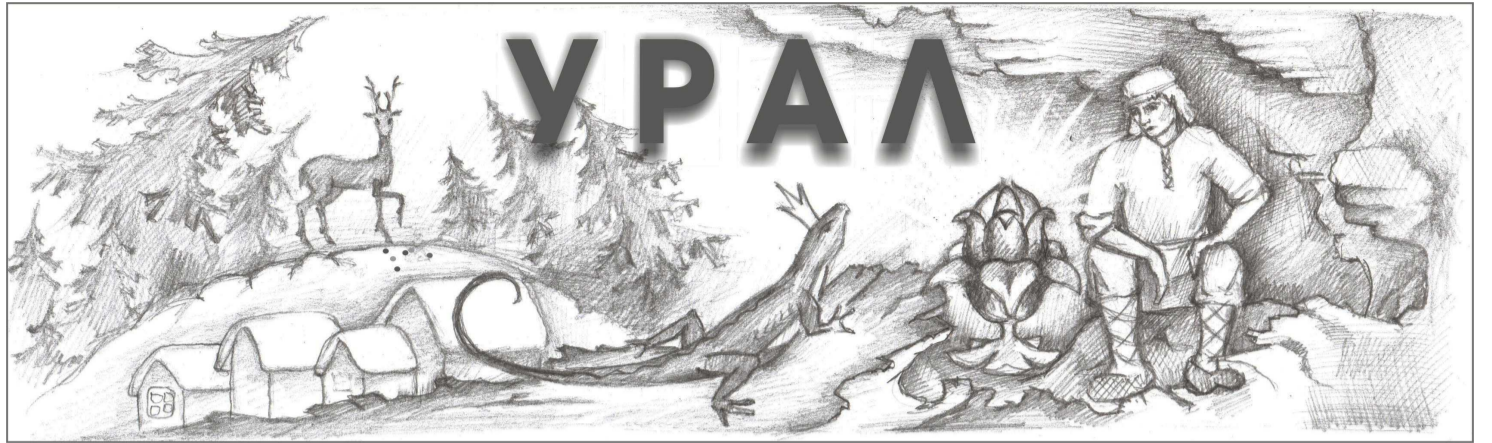
По горам и речкам быстрым,
Пока спит ещё заря,
Рассыпает она искры,
Самоцветами дая.

Всю ночь творятся чудеса,
А с рассветом розовым
Она таится по лесам
Сосновым и берёзовым.

И лишь солнце отразится
На цветах в росиночках,
Успевает дева скрыться
На лесной тропиночке.

Я её увидеть жаждал,
Много лет таил мечту,
А она с рассветом каждым
Превращалась в красоту.

Туфли яхонтом горят,
Платье будто в инее,
Ведь царевна, говорят,
Любит камни синие.

Мой Бажов

Так уж получилось, что творчество Павла Петровича Бажова прошло через всю мою жизнь.

Начну с самого раннего детства.

Лет в пять-шесть я, как и многие дети моего поколения, коллекционировал фантики, обертки от конфет. Фантики были разными. Скромные прозрачные обертки из-под леденцовых и карамельных конфет. Более интересными были фантики, напечатанные на плотной бумаге. Например, обертки от таких конфет, как «Раковые шейки», «Коровка» и другие. Но самыми ценными были фантики от шоколадных конфет типа «Ну-ка, отними!», «Мишка на севере» и т.п.

Однако самыми ценными в своей коллекции я считал фантики, на которых были изображены картины из сказов П.П.Бажова. Все поле таких фантиков было покрыто красивым малахитовым узором, в центре размещалась многоцветная картинка.

С той поры прошло около 65 лет, а перед мои глазами отчетливо стоят фантики «Ермаковы лебеди», «Серебряное копытце», «Каменный цветок». Были и другие фантики с бажовской тематикой, но сейчас я не могу их вспомнить. (В прошлом, 2008 году, в библиотеке им. Белинского в Екатеринбурге проходила выставка этикеток и фантиков XIX и XX веков. Как мне хотелось бы на ней побывать, там наверняка были и дорогие моему сердцу экспонаты!).

А спустя 2-3года у нас появилась почти настоящая малахитовая шкатулка. Это была шикарная коробка из-под шоколадных конфет, она долго хранилась в нашей семье.

Следующее воспоминание связано с концом 40-х годов. Я, ученик второго класса, болею ангиной. Высокая температура, болит горло. Мама побежала в аптеку за лекарствами.

Через некоторое время она вернулась с таблетками и микстурами. Но не только с ними. Она принесла совершенно роскошную книгу под названием «Малахитовая шкатулка».

Книга была большого формата с замечательными цветными иллюстрациями. Я стал ее жадно читать и - о чудо! - быстро пошел на поправку. На многие годы книга стала моим добрым другом. Я перечитывал бажовские сказки по несколько раз и знал их почти наизусть. Сейчас я понимаю, что это было подарочное юбилейное издание 1949 года, приуроченное к 60-летию Сказочника. Увы, оно оказалось последним прижизненным юбилейным изданием.

Я был совершенно очарован сказами Павла Петровича. Пройдет около 50 лет, я познакомлюсь с его дочерью Ольгой Павловной Бажовой и подарю ей свое стихотворение «Волшебнику», в котором попытался отразить свои детские впечатления.

Сказочник с седою бородой
Был героем тех далеких нов.
Как дружили в детстве мы с тобою,
Наш уральский Андерсен — Бажов!

Заставляя сердце шибче биться,
Я вдыхал особенный Урал.
Мне козел серебряным копытцем
Самоцветьем душу устилал.

Озарял своей живинкой дело
И дарил очередной рассказ.
Зеркало Таюткино глядело
Синими глазами на нас.

И над тихой речкой Северушкой
Вновь висит тумана молоко.
Легкой Огневушкой-Поскакушкой
Ускакало детство далеко.

Но хранится доброе наследство
В старой книжке, сердцу дорогой.
...Вдаль умчалось розовое детство,
Сказочник с седою бородой.

...10 декабря 1950 года мы пришли в школу, и нам сообщили, что Павла Петровича не стало. В школе состоялся траурный митинг, на котором выступали преподаватели и ученики.

Для Свердловска это было общее горе.

Гроб с телом Бажова был выставлен в зале Свердловской филармонии, и горожане получили возможность проститься с Певцом Урала. К Бажову, несмотря на сильный мороз, шли и рабочие уральских заводов, и домохозяйки, и опальный Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, в те годы командовавший тыловым Уральским военным округом...

И эта скорбь была поистине всенародной.

Следующая встреча с Бажовым состоялась осенью 1957 года. Я тогда поступил на химический факультет Уральского государственного университета им. А.М.Горького. По существовавшей тогда традиции студентов послали в колхоз на уборку картошки. Однако студентов мужского пола, проживавших в Свердловске, в том числе и меня, оставили в городе на строительстве студенческого общежития по улице Чапаева.

Прямо напротив стройки на углу улиц Чапаева и Большакова стоит одноэтажный домик, в котором несколько десятилетий прожил П.П.Бажов. И вот в течение месяца мы имели возможность видеть и дом, и его обитателей, семью писателя, и сад, и все надворные постройки. Там был и вместительный сеновал, и помещение для коровы, и другие необходимые службы.

Много позднее я узнал, что в годы войны эти постройки были задействованы и сыграли свою роль в развитии творчества многих писателей.

Дело в том, что тыловой Свердловск стал прибежищем для многих писателей. В столице Урала оказались Анна Караваева, Ольга Форш, Мариэтта Шагинян, Федор Гладков, Агния Барто и ряд других литераторов. Все они часто бывали в гостях у Павла Петровича.

А в годы войны Бажовы держали корову. Вот как об этом написал известный свердловский писатель Борис Степанович Рябинин, с которым автор этих строк жил по соседству и имел удовольствие быть знакомым: «На 65-летний юбилей 28 января 1944 г. Бажову подарили корову по кличке Зона, привезли из Нижнего Тагила. Потом, когда миновали трудности с питанием, Бажовы отдали Зону в молочное хозяйство совхоза «Исток». Она хорошо послужила не только семейству Павла Петровича, его внукам, но и всему Союзу писателей. Молоко этой коровы пили все свердловские литераторы. Кто бы и зачем бы ни пришел к Бажовым, в течение всех трудных военных лет, каждого непременно потчевали молоком: на круглом столе в «приемном» уголке кабинета появлялась кринка и кружки. «Испейте, молочко хорошее», — приглашала Валентина Александровна, а на прощание она же обязательно вручит «на дорожку» литр молока. «Только потом бутылку, пожалуйста, верните. С бутылками трудно...» Литр молока в то время — особенно для тех, у кого были дети, — являлся настоящим сокровищем. И для каждого это молоко было также выражением той доброй приветливой атмосферы, которая всегда царил в бажовском доме».

В 1959 году в честь 70-летия П.П. Бажова на плотине городского пруда Свердловска установили бюст писателя работы московского скульптора М.Г. Манизера, и я дважды в день по дороге на химфак и обратно видел проникновенный взгляд писателя, обращенный на акваторию пруда.

В годы моего студенчества Уральский университет располагался в четырех помещениях и, пожалуй, самым примечательным из них было здание по улице 8 Марта, 62.

В 1830-х годах в нем было открыто духовное училище. В разные годы в нем учились писатель Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (1866 – 1868), физик Александр Степанович Попов (1871-1873). В 1889-1893 гг. здесь учился, а позднее преподавал Павел Петрович Бажов (1899 -1908).

В советское время трехэтажное здание достроили до шестиэтажного, и в нем располагались гуманитарные факультеты. Кроме того, в здании была кафедра физвоспитания со спортивным залом, кафедра военной подготовки. Поэтому студенты всех факультетов посещали это здание.

В 1958 году после знаменитого Майского пленума, провозгласившего химизацию страны, в здании была размещена лаборатория кафедры высокомолекулярных соединений, в которой мне довелось провести два года на четвертом и пятом курсах, а затем, после двухгодичного перерыва, три года в качестве аспиранта.

Конечно, дух П.П.Бажова незримо витал в этом здании. Ученые филологического факультета много занимались изучением литературного наследия своего знаменитого земляка. С одним из них, автором нескольких монографий о творчестве Бажова Михаилом Адриановичем Батиным, я был знаком, и ученый показывал мне письма писателя.

И, наконец, мои последние воспоминания на бажовскую тему. Первые два года учебы в аспирантуре я не уходил в отпуск, стремясь быстрее выполнить диссертационную работу.

И к окончанию второго года обучения понял, что устал неимоверно, и мне совершенно необходимо отдохнуть. Это с одной стороны. А с другой стороны, я хотел где-нибудь подработать, чтобы хоть немного улучшить свое незавидное материальное положение — родилась дочь, жена не работала, а аспирантская стипендия была так мала.

Трудно было совместить эти мои два желания — отдохнуть и заработать. Но мне это удалось.

Я увидел объявление, что Свердловской турбазе требуются туристы-инструкторы для работы с группами туристов-старшеклассников в походах «По местам сказов Бажова».

К тому времени я был уже довольно квалифицированным туристом — совершил несколько многодневных походов по Уралу, водных путешествий по рекам Чусовая и Ай, плавание по озеру Селигер и несколько других.

И некоторые бажовские места посетил неоднократно — Сысерть, Верхнюю Сысерть, Полевской, Северский, станции Мраморскую и Сухой Брод и их окрестности. В активе были и озеро Тальков Камень, и Гранатов шурф.

Лето 1966 года я провел в походах. Мы ходили с ребятами в многодневные походы и в перечисленные мной места, и на Марков Камень, и на Азов-гору, и на речку Северушку, и на истоки красавицы Чусовой.

Здесь были чтения сказов Бажова у костра, дежурства у Синюшкина колодца и утренние встречи с Огневушкой-Поскакушкой. При этом наиболее впечатлительные туристы на полном серьезе убеждали своего инструктора, что видели этих персонажей, а также Голубую Змейку и Медной Горы Хозяйку живьем. И только Данилу-мастера не удалось почему-то увидеть никому...

Это были незабываемые походы.

И мне было приятно узнать, что сейчас создан Уральский заповедник «Бажовские места Урала», где можно совершить пешие, санные и конные походы по этим сказочным местам.

В 90-е годы я познакомился с дочерью Павла Петровича Ольгой Павловной, подарил ей свои книги и узнал от нее много интересного о жизни семьи Бажовых.

Мои книги, посвященные творчеству писателя, хранятся в Доме-музее Бажова в Екатеринбурге, в Музее писателей Урала, в Доме-музее в Сысерти.

Это моя скромная лепта в копилку памяти уральского Волшебника.

Марк ЛУЦКИЙ

Как я полюбил рыбалку

До чего ж я в детстве любил в каникулы ездить на дедову родину - село Бобраву! Все мне там нравилось: и как говорили на смеси русского с украинским (там до Украины совсем недалеко), и как я с пацанами лазил на шелковицу (мне, уральцу, было в диковинку на одном дереве видеть разного цвета ягоды сразу), и как купались в ставке - небольшом и неглубоком прудке, у плотины речки Бобравки. Но особенно мне пришлось по душе рыбалка! Представляете, прудок начинался прямо за огородом, сядешь с куском хлеба на мостках с орешниковой удочкой и таскаешь карпов в локоть величиной!

В тот мой приезд, о котором я и начал рассказ, мне было лет десять.

Еще во дворе стояли чемоданы и дед с бабушкой здоровались с многочисленной родней, а я уже со Степкой, своим то ли троюродным братом, то ли четверюродным, бежал с удочками на ставок, предварительно сменив «цивильный» наряд на домашнюю одежду. Удача нам сподобствовалась необычайной! Карпы готовы были хватать голый крючок. Ох, и счастье мне привалило в тот раз! Огромный, как казалось, карп чуть меня с мостков в воду не затаскил, ладно Степка свою удочку бросил и помог. Во двор мы возвращались гордые своим уловом! У каждого на ивовом кукане по шесть карпов, а мой последний - самый большой!

И надо же было так случиться, что именно в этот момент вошла во двор с коробкой в руках бабка Василиха (ее все так звали). В той коробке у нее были трехдневные цыплята, которых она по доброте своей принесла соседям. Старушка неловко задела своей ношей калитку, уворачиваясь от шенка, и все желтенькие шарики высыпались на землю! Что тут началось! Все, кто был во дворе кинулись ловить эту мелочь.

Мы со Степкой беззаботно бросили свою рыбу возле крыльца и включились в охоту. На шум и смех во двор набегали еще соседи. Когда всех нечаянных блесцов изловили и поместили в небольшой загончик, толпа добровольных помощников и просто соглядаетев поредела. Вот тут-то решили мы со Степкой похвалиться своей добычей. Глядим, а самого-то большого карпа с моего кукана и нет! Я - в рёв, и поверьте, не стыдно было плакать на всю улицу. Степка

божится, что не брал карпа, так как ловил цыплят. Тетушка Валентина, хозяйка дома, давай вспоминать, кто из соседских ребяташек был во время переполоха во дворе:

- Генька Павлинин, Иваська Мыколы брат, сам Мыкола.... Та, кто из них на чужую рыбу позарился?

В это время пришел на обед с работы старший брат Степки Василь. Узнав в чем дело, он сначала подошел к крыльцу, внимательно осмотрел кукан, само место, где лежала рыба. Потом позвал меня:

- Сейчас мы воришку найдем, не реви.

- А как найдем-то, - все еще всхлипывал я.

- А ты посмотри внимательно. Видишь, край веточки надгрызен, а от крыльца полоса тянется, - обратил мое внимание на странный след Василь.

- Будто волокли кого, - догадался Степка.

Пошли мы все по следу. Тянулся он от крыльца вдоль дома до заплота.

- Смотри чешуйки! - закричал гластый Степка.

- Точно. Тут твоего карпа есть начали, - подтвердил его брат.

Я снова захныкал.

- Да, не переживай ты так, еще пойдём, найдем, - обнял меня Степка.

Пошли мы дальше по следу, который привел нас к коморе (ну, это сарай такой на столбах, где зерно хранили). Заглянули мы под комору и расхохотались: в самом центре под сараем сидела кошка и ела моего карпа! Когда мы попробовали кошку достать палкой, она только зло зашипела. Но, что самое удивительное в этом происшествии - кошка была размером с карпа! И ведь сумела его протаскать почти через весь двор и под коморой слопать!

Воришку-то мы нашли, но сворованного карпа спасти не смогли. Да и кошка нам потом дня два на глаза не показывалась, а мы и забыли о ней. Мало ли дел у мальчишек летом в деревне!

Именно благодаря этому случаю, заставившему оценить важность потери улова, я крепко полюбил рыбалку, правда, таких здоровых рыбин мне ловить больше не доводилось...

Надежда СЕРГЕЕВА

Увядают листья в старом парке,
В хаотичности кружатся над землей.
Это осень раздает подарки:
Рыжий цвет - сияй, живи, постой...

Позднего тепла смакуй объятье —
В быстротечности оно вот-вот уйдет,
Опадает сотканное платье
Зарева деревьев сразу, влёт.

И насмешливо нагонит ветер тучи.
Вдруг закапают, затем сильней польет.
Сказку мигом смоеет дождь могучий,
Создавая множество хлопот.

Когда в доме, в двухкомнатном уюте,
Под свет старинного торшера,
Звучит знакомая прелюдия,
Слова твои принять на веру

Не сложно. Вычурными линиями
Они окутывают в облако
И манят сумраками длинными,
Поют незримыми истоками.

Вокруг лишь тихая замедленность
Снимает миг на жизнепленку.
Мелькает разума уверенность,
Сжимая мячик-сердце долго.

ЛЕВ БОНДАРЕВСКИЙ

Поэт. Родился в 1935 году в Челябинске, Там учился, работал, вышел на пенсию. Параллельно с учёбой и работой сочинял в записные книжки. Окончил аспирантуру в Свердловске и защитился по энергетической специальности. Занимается переводами с польского. Много печатается на литературных интернет-сайтах. В 2002г. увидел свет сборник избранного « Поверх заборов»

Порою сенокосной

Порою сенокосной
я, городской пижон,
пройду травую росной,
красою поражён.
Пройду простоволосый
серьёзный и босой
не частный, не колхозный,
с тяжёлою косой.
На северо-востоке
зардеет синева,
и травы лягут в строки,
послушной, чем слова.

А вот и вид аляповатый:
Вишнёвый садик возле хаты,
Крестьянин, крот подслеповатый,
Стоит с лопатою в руке.
Бежит собачка, хвост в колечко,
Над домом дым стоит, как свечка,
За тополями недалечко
Струится речка в лозняке.
Белеют вишни в цвете вешнем,
Пишат скворчата по скворешням,
И всё таким надёжным, здешним
Разнеженный ласкает глаз!
Пастух играет на жалейке,
Водичка капает из лейки,
На солнцепёке на скамейке
Дед в телогрейке и матрас.

НАДЕЖДА СМИРНОВА

Родилась в г. Свердловске. Автор четырех поэтических сборников: «Раскинуть руки и – лететь...» (2001г.), «Не спалось душе моей...» (2005г.), «Чем жива душа» (2006г.), «Как медленно я шла сама к себе» (2008г.).

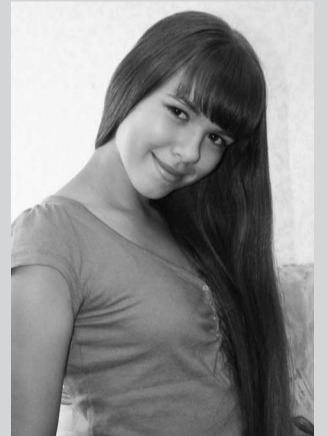
Финалист Всероссийской премии им. П.П. Бажова, 2008 г. Лауреат Всероссийской поэтической премии 2009 г. в г. Ульяновске. Член Союза писателей России.

Мы возвращались из посёлка
по темноте. А на пути
привычные сосна и ёлка,
которой сотню лет расти,
чтобы сравняться с той сосною.

И вдруг безмолвие лесное
от крика полусонной птицы
представило ещё веселей,
заставило заторопиться,
когда незримо дрогнул комель,
как будто верх сосны надломлен...

Невольный страх или прохлады
принудили так близко рядом
шагать и говорить о том,
что лес кончается... Но дом
с весёлым блеском жёлтых глаз
далёким был, ненастоящим...

И только неба мир неспящий
со всех сторон смотрел на нас...

ЕКАТЕРИНА ШЕМЯКИНА

г. Екатеринбург. Школьница. Член Международного Союза писателей «Новый Современник», лауреат Международного конкурса Национальная литературная премия «Золотое перо Руси» (номинация «Сказка», «Военно-патриотическая проза»), «Фото» (2006-2007). Победитель Всероссийских и международных конкурсов и фестивалей литературного творчества. Награждена медалью Всероссийского Творческого объединения «Друзья Буратино» за достижения в области культуры, искусства и литературы, Золотым Знаком «Звезда Ампары» общественной организации «Звезды ВнеЗемелья». Окончила музыкальную школу.

Дождь шепчет каждому из нас

Дождь шепчет каждому из нас
Свои, особенные тайны.
Стакато мерно отстучат
По гулким серым крышам капли.
Дождь смажет города пейзаж -
Как мокрой кистью по бумаге,
И в лужах видимый мираж
Пойдёт неспешными кругами.
Сквозь вату тёмных хмурых туч
Над городом уставший плакат
Дождь ожидает солнца луч,
Чтоб в брызгах радости растаять...

но климат быстро изменился,
я песни грустные запел.
В душе огарок, а не пламень -
одни подарки, жизнь в посте,
себя продал за лунный камень
и больше нет меня нигде!

ТАТЬЯНА СЕМЕНОВА

Родилась в г.Каменске-Уральском. Окончила Уральский гос. университет им. А. М. Горького. С 1992 г. Работает социологом и педагогом-психологом. Серьёзно пишет с 2004 г. Имеет публикации в газетах, журналах, альманахах г. Богданович, Каменск, Череповец, Шадринск и др («Народное слово», «Панацея», «Юнона и авоська», «Нахаленок», «Жемчужина Зауралья», в изд-ве «Урал» и др.)

Из детства все мы родом:
Здесь начинаем путь.
Мудреем с каждым годом
И постигаем суть:

Что истинно, что ложно,
Что правда, что обман,
Что примитивно, сложно,
И наша жизнь - роман,

Где главные герои
Есть только мы с тобой,
Небезупречны роли
И вероятна боль.

Мы постигаем тайны
В безверии скользя,
И узнаем случайно
Запретный плод «нельзя».

Нам хочется, нам можно,
Нам это суждено...
А на душе — тревожно,
И детство лишь одно.

ВЛАДИСЛАВ НОВИЧКОВ

Род. в 1954 году. Живёт и работает врачом психиатром в Перми. Стихи пишет с 1999 года. Публиковался в альманахе «Литературная Пермь», готовится к публикации в альманахе «Золотая строфа 2009». Несколько поэтических сборников приняты в фонд Краевой библиотеки им. Горького. Лауреат конкурса поэтов г. Перми 2006г. (памяти Б.Пастернака).

Первый снег

Снился сон беспокойный, ночной
(видно в руку - проснулись метели)
сам Саврасов качал головой:
-А грачи-то мои улетели!-
Промолчу про мытье и бритве
и как ем я под утро вполсилы.
Ждет в больнице людское нытье:
-Пожалели б меня, крокодилы!-
Снова слышу калитки фальцет:
-Потерпи, дорогая подруга!-
Утыкаясь ноздрями в штиблет,
ищет логово первая выюга.
Черт талдычит:
-Иди попоздней, ведь твой шеф
за бугром загорает
На автобусной - толпы людей,
знать, пилоты козла забивают!
Ничего, был бы мир на Земле,
а от кризисов мы не заблеем.
И Россия моя не во мгле,
а от первого снега белее.

Пропал

Есть паспорт -
разведен, прописан,
Медвежий угол адрес мой,
родился кроликом, не лисом,
но сдуру встретился с лисой.
За ум я в рыжую впобился
и в норке теплой соловел,

